

Моганшань.

Ань Чжэн сел, скрестив ноги, на вершине горы, один присест длился двадцать четыре часа. Наблюдать за восходом и закатом солнца, видеть циррус облаков и тучи. За этот период спокойной практики культивация Аньчжэна еще больше укрепила царство, и он ищет возможность прорыва. Хотя гора Моган не очень высокая, вершина горы похожа на перевернутый меч, при виде подножия горы не возникает ощущения величия.

Ань Чжэн медленно открыл глаза. После молчаливого отступления скрытые болезни после ожесточенной битвы с Цзо Цзяньтанем были наконец прочищены. Две силы полностью слились в теле, и больше не осталось никакой скрытой опасности. Теперь его тело было приспособлено к пиковому периоду, а сила, накопленная в результате безумного глотания в прошлом, была интегрирована в силу культивирования, у Ань Чжэна появилось смутное чувство, что он не сможет продвинуть состояние в любое время и в любом месте.

До силы Даманьцзина уже можно свободно гулять по миру. Ань Чжэн вскоре может прорваться в царство Даманьцзин и восемь классов. Для его возраста нет никого ни до, ни после.

Хотя в древние времена и древние времена, практикующие в то время были, несомненно, сильны. В основном из-за сильной жизненной силы мира в то время, скорость вхождения в духовную практику была намного быстрее, чем сейчас. Но даже в тот период, нынешняя практика культивации Аньчжэна является быстрой, и я боюсь, что она чрезвычайно редка.

С вершины горы, чтобы медитировать вниз по склону, Аньчжэн шел, глядя на горы и море. В ней было много монстров и тревог, о которых он не помнил, пока у него есть время, он объединит эту книгу с небесными монстрами.

Когда он подошел к даосскому храму, он увидел Цзинди, стоящего вдалеке и ожидающего его. Ань Чжэн слегка нахмурился, девушка жила слишком тяжело.

"Фея."

Увидев приближающегося Ань Чжэна, Цзинди поклонился ему.

Ань Чжэн спросил: "Зачем ты меня ищешь?".

Зеркальная бабочка торжественно сказала: "Я не хочу сдаваться, прошу бессмертного Длинного принять меня в ученики".

Ань Чжэн покачал головой: "Ты неустойчива сердцем и жаждешь достичь успеха. Я не могу учить тебя сейчас. Иначе ты попадешь в беду со своим нынешним умом".

Он пошел вниз с горы не потому, что не хотел учить бедную девушку Цзинди. Просто психика этой молодой девушки действительно слишком неустойчива. Целью ее практики было вернуться домой, чтобы спасти свою мать, и именно из-за этого Аньчжэн решил обучать ее, которая считалась первой ученицей Аньчжэна. Однако, как только она начала практиковать, если она не сможет контролировать свой менталитет, то не только не добьется успеха, но и погубит себя.

"Сянчан, когда ты сможешь научить меня практиковать?"

"Ты пойдешь на вершину горы, будешь сидеть три дня и три ночи, смотреть на восход и закат

солнца, наблюдать, как восходит луна и как опускается солнце. Через три дня снова приходи ко мне".

Закончив говорить, Ань Чжэн вошел в даосский храм. Как только он вошел в дверь, то увидел, что Джиба обучает учеников практике во дворе. Навыки дыхания и рвоты были правильными. Эти начальные навыки были одинаковыми в каждой секте. Увидев возвращающегося Аньчжэна, Джиба быстро вошел в дом: "Мастер Дао, где вы были эти два дня?"

Ань Чжэн указал на вершину горы, и Джиба на мгновение замер: "Боже".

Ань Чжэн: "..."

Возможно, это было связано с тем, что Джиба также некоторое время утром практиковал упражнения для тела, поэтому казалось, что он распарен. Он снял нарочитость и обнажил сильные мышцы верхней части тела. Ань Чжэн заметил тигра на левой груди и плече, на правой - тигра на груди и тигра на плече.

"Такой свирепый, да?"

Джиба развернул грудные мышцы и гордо посмотрел на него: "Это мой восемнадцатилетний молодой человек, практикующий духовное культивирование. Мой мастер лично сделал мне татуировку, чтобы предупредить меня о некоторых вещах. Я не говорю, что мой мастер научил меня культивировать, я могу только сказать, что техника нанесения татуировки считается непревзойденной..."

"Твой мастер вытатуировал тебе тигра, просто чтобы сказать тебе, что ты должен иметь храбрость тигра?"

"Нет, он сказал, что два тигра быстро бегут".

Ань Чжэн замер на мгновение, а затем поднял большой палец вверх: "Твой хозяин действительно что-то видел..."

Джиба догнал Ань Чжэна и сказал: "Дао Чанг, я знаю, что моя маленькая практика - ничто в твоих глазах. Но, Дао Чанг, я не могу не понимать своих детей. Вчера Цзиньди говорила со мной серьезно и действительно говорила об этом. Кстати, я не знала, что ее телосложение такое особенное. Этот ребенок может быть культивирован. Я не могу, а Дао Чанг может. Дао Чанг, это возможность изменить ее жизнь. Пожалуйста, не отказывайся от нее."

Ань Чжэн сказал: "Ты ее хозяин".

Джиба прошептал: "Я просто пердун... тьфу-тьфу, хотя я человек неба и земли, но я не подхожу на роль ее хозяина".

Он посмотрел на Аньчжэн и серьезно сказал: "И с самого начала я сказал им очень ясно. Я не их хозяин, просто беру их на себя, чтобы они нашли выход. Но эти дети умеют быть благодарными, поэтому все они называют меня хозяином. В самом начале я сказал, что если есть более подходящие люди, которые могли бы их учить, то им не нужно следовать каким-то правилам, потому что в моем случае правил нет."

Ань Чжэн сказал: "Я буду учить ее в будущем, но сейчас не время". Она пошла на вершину горы, ты можешь позаботиться об этом". Ночная роса на вершине горы очень сильная, а

холодная температура и муки ожидания сделают ее эмоциональной Она постепенно выходила из-под контроля, пока не вспыхнула. Ты смотришь на нее, и если она не упадет через три дня, я научу ее.

Но есть одно но: тебе нельзя говорить ей эти слова, иначе ты сдашься".

Джиба радостно сказал: "Не волнуйся, даос!".

Он выбежал, надев куртку, и вернулся через некоторое время, неся два кувшина вина, и с улыбкой ушел. Ань Чжэн вошел во двор, и ученики увидели, что у каждого из них есть подарок, Ань Чжэн улыбнулся и кивнул. Этим людям и так нелегко учить такого грубого человека, как Джиба.

На вершине горы зеркальная бабочка сидела, скрестив ноги, на большом плоском камне и смотрела на проплывающие вдалеке облака. Она снова и снова говорила себе, что не должна волноваться, что не должна тревожиться, что возможность перед ней, но тревога пропадет. Она знает, где ее слабые места, поэтому уже пытается приспособиться.

В этот момент она вдруг увидела, что облака вдалеке вдруг резко развернулись, и в облаках пронеслось нечто, похожее на белого дракона. Ее лицо изменилось, и она сказала, что видит Шэньлун? Но действительно ли в этом мире есть дракон? Вещь была белой, и облако было белым, поэтому она сильно потеряла глаза, думая, не ослышалась ли она.

Затем наступил транс. Вдруг в облаке появилось нечто, что в одно мгновение появилось перед ней и в одно мгновение появилось перед ней. Цзиньди испугалась и попыталась спрятаться, но облако вдруг остановилось перед ней и резко замерло.

Следом за ним открылась группа облаков, изнутри которой вышел один человек. Когда Джинди увидела этого человека, ее глаза сразу загорелись.

Это был действительно красивый мужчина, заставляющий женщин завидовать, одетый в белоснежные монашеские одежды. На шее висела нитка бус ярко-красного цвета. Бусы сочетались с красно-белой одеждой монаха и выглядели так необычно. Хотя это был лысый монах, он был так красив и прекрасен. Красота была удушающей, и это заставляло людей чувствовать, что лицо идеально.

Монах?

Зеркальная бабочка внезапно отреагировала, здесь Дакси, и это к северо-западу от Дакси, как здесь может быть монах. В Дакси есть ветвь буддизма, но в Цзяннани. Это близко к здешнему буддийскому королевству. Можно ли сказать, что этот монах - шпион, посланный буддийским царством? Теперь, когда Дакси и Будда в такой напряженной ситуации, этот монах появляется здесь, что явно не к добру.

"Что?"

Монах взглянул на Цзин Ди: "Какая нежная девушка".

Цзин Ди была ошеломлена его взглядом и подсознательно поблагодарила.

Монах в белом сложил руки вместе: "Здравствуйте, я с Запада. Я еду в город Дакси Цзиньлин, чтобы увидеть императора Дакси, но здесь я еще не был. Это правильный путь?"

Цзиньди выслушала его и немного расслабилась в своем сердце: "Я не знаю, откуда пришел мастер, поэтому не знаю, правильно ли то, что ты сказал, или нет. Но это правда, что основные вещи идут до юго-востока. "

"Спасибо."

Белый монах сказал: "Кроме того, есть еще одна вещь, о которой я хотел бы тебя спросить".

"Учитель, вы говорите".

"В Будду вселился злой дух, превращенный демонической рыбой, и бежал из страны Будды. Я преследовал его по дороге и хотел проводить, но он оказался слишком хитрым, поэтому несколько раз убегал. Причинить бедствие. Если вы увидите его, пожалуйста, скажите мне. "

"Я не видел никаких демонических рыб. Только несколько живут в этом месте".

"Это, естественно, хорошо, но эта демоническая рыба лучше всего превращается в человека, и ее культивация более мощная. Она любит превращаться в молодого даоса в черной мантии, чтобы спрятаться. Этот человек красив и выглядит привлекательно. Он красив, поэтому это самое обманчивое женское сердце. Это очень грешно. Обманув женщину, он съест ее мозг, и со временем он действительно станет человеком. Я заметил, что это чудовище дышит здесь. Поэтому я приду сюда, чтобы увидеть его. "

Лицо Цзиньди резко изменилось, и в ее сознании возникло непроизвольное представление. Однако, каким чудовищем на самом деле был этот Дао Чанг?

Не похоже, чтобы он был чудовищем, но слова монаха были решительными и серьезными, не похожими на ложь. И он никогда не был в Моганшань, может ли он сказать, как выглядит Дао Чанг, правда ли это?

Подумав, что его хозяин и его спутники спустились с горы, Цзиньди вдруг занервничал.

"Ты не солгал мне?"

"Я монах. Разве ты не слышал, что монах не произносит жаргонных слов? В любом случае, я из Западных областей, и я спешу в Цзиньлин, чтобы встретиться с императором Дакси. Если это не из-за того, что этот злодей причиняет вред Большому, я не могу остаться. "

"Тогда... я провожу тебя вниз".

Цзиньди встал и повел белого монаха вниз, и сказал, пока шел: "Под горой есть несколько братьев и сестер, они... они могли их видеть. Я, я, я не смею гарантировать".

"Все в порядке. Когда ты делаешь это, ты также делаешь что-то для небес. Это для людей, чтобы устранить вред. Не важно, видел я это или нет, я должен упомянуть этих простых людей, чтобы поблагодарить тебя".

Пока он говорил, Джиба, несущий свою одежду, поднялся с подножия горы и увидел Цзиньди с белым монахом, его лицо внезапно изменилось: "Цзиньди, как ты можешь быть с незнакомыми людьми! Дао Чанг Расскажи мне о себе, ты забыл? "

Цзиньди заколебалась и покачала головой: "Учитель, дело не в этом, а в том, что..."

"Что?"

Белый монах взглянул на Джиба: "Женщина-донор, ты называешь его мастером? Но ты не видишь, что на самом деле он чудовище?".

Лицо Джибы изменилось: "Ты демон, что за чушь!".

Монах в белом улыбнулся: "У меня умные глаза, и я могу видеть сквозь твою кожу. Я говорю, что ты чудовище, и ты чудовище".

Как только он поманил, в его руке появился длинный меч, и он сам не знал как. Затем он обнял Зеркальную Бабочку сзади, держа обе руки Зеркальной Бабочки, и тогда длинный меч оказался в руке Зеркальной Бабочки. Он мягко произнес фиксированное слово, и Джиба зафиксировался на этом движении.

"Смотри, это монстр. Мое заклинание работает только с монстрами.

Ты пришла, чтобы убить его лично и убить людей".

Святой в белом схватил Цзиньди за руку и пошел вперед, толкая ее. Цзиньди изо всех сил сопротивлялась, но ничего не помогало. Она плакала и кричала, что Учитель собирается скрыться, но Джиба стоял на месте и не мог пошевелиться.

Длинный меч медленно пронзил и вошел прямо в сердце Да Джибы.

<http://tl.rulate.ru/book/11864/2192260>